

денежной форме и обычно имеют право на пенсию. Зарплата выдается в соответствии с местом в иерархии. 7. Исполнение должности — единственное и главное занятие чиновника. 8. Делание «карьеры», т. е. повышение в должности, определяется специфичной четкой системой. 9. Должностное лицо не может присвоить ни должности, ни доходы в сфере его деятельности. 10. Строгая дисциплина и контроль регламентируют исполнение его должности⁷. Таковы основные характеристики рациональной бюрократии Вебера в ее идеальном варианте.

В современной западной политологии категория бюрократии не разделяется негативными характеристиками, и теория ее представляется в виде концепции научного управления обществом, в которой отражается реальный процесс бюрократизации всех его сфер. Понятие бюрократии определяется как профессиональный корпус должностных лиц. Последователи Вебера считают, что «бюрократ» может быть хорошим или плохим, но без него не обходится ни одно государство. Госчиновники служат всему обществу и общество заинтересовано в том, чтобы его интересы представляли квалифицированные, основательно подготовленные специалисты. Их права, обязанности и властные полномочия четко очерчены законом. В сфере власти не должно быть места неопределенности, случайности и произволу.

Можно по-разному относиться к Веберу и его учению. Можно соглашаться с ним или подвергать его основательной критике. Однако нельзя не согласиться, что его творчество и сегодня вызывает глубокий, неподдельный интерес.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

² См.: Шпакова Р. П. // Советское государство и право. 1990. № 3. С. 136.

³ Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966. S. 99 und weiter.

⁴ См.: Вебер М. Избранные произведения. С. 646—647.

⁵ См.: Там же. С. 648.

⁶ См.: Там же. С. 650, 657, 661, 664—665.

⁷ См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964. Bd. 2. S. 162—163.

Я. А. БЕЛОБРОДСКАЯ

МЫСЛИТЕЛИ ДРЕВНОСТИ О ПРОБЛЕМАХ ВОЙНЫ, МИРА И АРМИИ

Всестороннее исследование проблем мира, войны и армии, их связи с политическими, идеологическими и иными общественными отношениями возможно лишь с позиций исторического подхода, который способствует аналитическому рассмотрению становления и развития воззрений на эти проблемы в истории человечества, в общественно-политической сфере человеческой жизнедеятельности.

К одной из первых в истории человечества попыток теоретически обобщить взгляды на войну и ее роль в жизни общества можно отнести древнеиндийский сборник «Законы Ману» (VI в. до н. э.). Здесь проводится мысль о природной естественности войн в человеческой истории, а также высказаны догадки о взаимосвязи войны и политики, о наличии внутренней функции армии как инструмента укрепления господства правящего класса. Армия призвана контролировать подданных, подавлять выступления недовольных и бунты против правителей.

Позднее эти идеи были развиты древнеиндийским мыслителем Брахманом Чанакья (IV в. до н. э.), который в трактате «Артхашастра» утверждал, что война не является самоцелью, она служит политике, является ее средством. И хотя войну надлежит вести с помощью армии, используя оружие, однако более важной силой является политическая стратегия, которая призвана подрывать дух врага, разлагать его и подводить к крушению¹. Чанакья отмечал и отрицательные последствия войн, поскольку они сопровождаются уничтожением богатства и падением нравов.

Мыслителями Древнего Китая, Древнего Рима и особенно Древней Греции тщательно исследовались проблемы источников войн и их

происхождения; связи войны и политики; характера войн и их социальных последствий; путей к миру и актуальных проблем армии.

Наиболее значимым в истории военно-политической мысли Древнего Китая представляется «Трактат о военном искусстве» выдающегося полководца и мыслителя Сунь-цзы (VI—V вв. до н. э.), в котором предпринята попытка проникнуть в сущность войны, раскрыть ее связь с политикой государств, дать простейшую классификацию войн и сформулировать принципы их ведения.

Сунь-цзы разделяет традиционную точку зрения на войну как на вполне естественное явление. Более того, он считает, что «полководец, понимающий сущность войны, управляет судьбой народа и является владыкой безопасности государства»².

Китайский военный теоретик выдвигает и отстаивает принцип господствующего положения политики по отношению к войне, а политического руководства — к военному искусству. Армия при этом выступает лишь в качестве средства ведения войны (причем не самого эффективного).

Принцип взаимосвязи войны и политики, сформулированный Сунь-цзы, подчиненного положения войны по отношению к политике, стал исходным пунктом для предпринятой им (пожалуй, впервые в истории военно-политической мысли) классификации войн. Сунь-цзы выделяет три формы войны, первую из которых он называет идеальной. Ее суть заключается в том, чтобы, не применяя военной силы, исключительно политическими средствами заставить противника отказаться от заведомых целей, т. е. покорить чужую армию, не вступая в сражение.

Вторая форма также связана с использованием исключительно политических средств. Ее смысл состоит в том, чтобы попытаться разединить противника с союзниками, тем самым ослабить его и сделать уступчивым. Легко заметить, что Сунь-цзы не делает различия между политическими формами ведения борьбы и собственно военными, более того, китайский полководец отдавал явное предпочтение именно политическим методам. Он подчеркивал, что «покорить войско противника без боя — верх искусства»³.

Применение армии при решении политических вопросов Сунь-цзы относил к третьей форме ведения войны, причем считал ее наихудшей из всех, ибо в этом случае ни у одной из воюющих сторон нет и не может быть уверенности в победе. Такая точка зрения впоследствии получила название «политизации войны».

«Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы занимает поистине выдающееся место в истории военно-политической мысли и очень высоко оценивается современными исследователями. «Этот трактат, — по мнению современного американского историка Д. Коллинза, — стоит в ряду лучших работ всех времен, включая и труды Клаузевица, написавшего их более двадцати столетий спустя»⁴.

Значителен вклад в разработку исследуемой проблематики философов и мыслителей Древней Греции. Их взгляды оказали самое серьезное влияние на развитие военно-теоретической и политической мысли средневековья, нового и новейшего времени.

Такие выдающиеся умы, как Платон (427—347 гг. до н. э.), Аристотель (384—322 гг. до н. э.), были прежде всего выразителями идеологии рабовладельческого государства, поэтому их взгляды на проблемы мира, войны и армии отражали интересы рабовладельческой аристократии. Рабовладельческое государство не может существовать без рабов, а поэтому война в качестве законного средства их приобретения не только естественна, но и вечна. Платон считал, что в обществе, как и в природе, господствует естественное право сильного над слабым. Война — вечное естественное состояние человеческого общества, а мир вообще невозможен. «То, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная неустрашимая война между всеми государствами»⁵. Мир, с точки зрения Платона, представляет собой лишь абстракцию, существующую чисто умозрительно. «У всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами. Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в

частной жизни и каждый с самим собой»⁶. В этой войне, отмечал Платон, ни люди, ни государства не признают никаких моральных и нравственных норм.

Платон стремится обосновать законность войн, преследовавших цели порабощения «варваров» и подавления восстаний рабов. «Почести воздаются тому, — писал Платон, — кто отличился в величайшем виде войны — внешней войне»⁷. Такие войны Платон считал полезными для государства, конечно, с позиций рабовладельческой аристократии.

Подобных же взглядов на социальную роль войн придерживался и Гераклит Эфесский (ок. 544—483 гг. до н. э.). Правда, в отличие от Платона, он избегал этических оценок военных событий, но считал войну безусловным добром, ибо в ней побеждают более сильные и мужественные: «Война — отец всего и всего царь: одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала свободными, других — рабами»⁸.

Ряд мыслителей античности отмечали и отрицательные последствия войны. Такой точки зрения придерживались, в частности, Демокрит (460—370 гг. до н. э.), Эпикур (341—270 гг. до н. э.), а позднее Тит Лукреций Кар (99—55 гг. до н. э.). Они не считали войну вечным спутником человечества, а утверждали, что войны порождены рабовладельческим обществом. Тит Лукреций Кар утверждал, что пока люди были «дикими», войн не было и под военные знамена никто не звал тысячи людей.

Взгляды Платона на войну и мир, связь войны с общественными отношениями, с политикой в основном сложились под воздействием хода и результатов Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.) между наиболее могущественными греческими государствами — Афинами и Спартой. Платон вынес из этой войны твердое убеждение, что всеми общественными делами государства руководит политика. Именно политику Платон называет господствующим, царственным искусством. Эту точку зрения он отстаивает в диалогах «Государство» и «Политика». «...Какую же науку решимся мы назвать владычицей всего этого великолепного и огромного воинского искусства, кроме науки подлинно царской?»⁹ — риторически спрашивает философ. Политика — это искусство, которое управляет всеми видами человеческой деятельности, в том числе и военной. В диалоге «Протагор» Платон еще раз подчеркивает, что именно военное искусство есть часть политического, а не наоборот: «Мы не признаем, что политическое искусство — это воинская наука, т. е. наука подсобная»¹⁰. Считая войну вечным и естественным состоянием общества, мыслитель видел и материальные корни этого явления: «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по рабски служим»¹¹. Но поскольку страсти тела человеческого обусловлены природой, то и войны подчиняются вечным природным законам.

Во многом продолжил и развил мысли Платона о войне, мире и армии его ученик Аристотель. Он также считал войну благом для рабовладельческого государства, рассматривал искусство ведения войны как искусство приобретения рабов, без которых общество не может существовать. У Аристотеля явно просматривается тенденция оправдания войны, причем оправдания не только с политической, но и с моральной точки зрения. Именно Аристотель впервые увязал понятия нравственности и войны: «Наука о приобретении рабов... является чем-то вреде науки о войне или науки об охоте»¹². И военное искусство является лишь частью науки, в основе которой лежит политическое искусство. «Военное искусство может быть рассматриваемо до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, по крайней мере та часть военного искусства, которая имеет своим предметом охоту: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиниться. Такого рода война по природе своей справедлива»¹³. Итак, по мнению Аристотеля, война содействует развитию справедливости, а армия является естественным и необходимым атрибутом государства, без которого не может существовать.

Изучая наследие мыслителей Древнего Рима по проблемам войны и армии, можно легко обнаружить, что в основе их военно-политических концепций лежит стремление оправдать экспансионистскую политику рабовладельческого государства. Вслед за древнегреческими философами, известный римский политический деятель, оратор и писатель Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) в своих трудах «О государстве» и «О законах» особое значение придает политике, которую называет «величайшим искусством». Цицерон пытается дать свою классификацию войн, однако избирает для нее чисто формальный критерий справедливости — объявление войны. Понятие справедливости для него имеет ярко выраженный правовой акцент. «...Всякая война, которая не была возвещена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой»¹⁴. Лишь после постановления Сената и повеления народа носители власти ведут «справедливые» войны. Однако о каком повелении народа идет речь? Ситуация проясняется, если мы вспомним, что в Древнем Риме правом голоса в комициях (своеобразном органе римской демократии) обладали лишь воины. Специфика развития государственных форм правления в Риме связана с тем, что изначально гражданские права здесь принадлежали воинам, а не жителям определенных территорий, как это было, в частности, в Афинах. Впоследствии гипертрофирование политической роли армии привело Рим к полному отказу от демократических традиций и установлению военно-авторитарного политического режима — диктатуры с опорой на вооруженные силы.

В некоторых современных источниках говорится об особой роли армии в политической жизни Рима и даже о ее изоляции от общества. Неудачным кажется нам и термин «деполитизация войны» в применении к Римской империи. На наш взгляд, можно говорить лишь об ослаблении здесь роли профессиональных политиков и о значительном усилении армии и военного руководства как реальной политической силы. В государстве появилась новая политическая сила, гораздо более сплоченная и могущественная, чем политики, — преданные своему полководцу легионы и их военачальники. Характерны в этом плане высказывания известных римских военачальников. Так, Гай Марий говорил, что до него «не может дойти глас законов, заглушаемый звоном оружия». Не менее откровенно высказывался и Гней Помпей: «Могу ли я помышлять о законе, когда я вооружен»¹⁵.

Взгляды античных мыслителей на проблемы мира, войны и армии впоследствии получили развитие в трудах средневековых философов и теологов, мыслителей нового и новейшего времени. О значении их работ для дальнейшего развития военно-политической мысли можно сказать словами Ф. Меринга: «Сущность войны во многих основных чертах ее можно познать уже из древней истории, в частности истории греков и римлян»¹⁶.

¹ См.: Н е р у Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 126—127.

² С у н ь - ц з ы. Трактат о военном искусстве. М., 1955. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ С o l l i n s J. Grand Strategy. Annapolis, 1973. P. XX.

⁵ П л а т о н. Соч. М., 1972. Т. 3. С. 86.

⁶ Там же. С. 86—87.

⁷ См.: Творения Платона. Т. XIII. Законы. Пг., 1923. С. 23—24.

⁸ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 46.

⁹ П л а т о н. Соч. Т. 3. (2). С. 74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 25.

¹² А р и с т о т е л ь. Этика. СПб, 1908. С. 4.

¹³ Он же. Политика. М., 1911. С. 21—22.

¹⁴ Ц и ц е р о н Марк Туллий. Диалоги. М., 1966. С. 42.

¹⁵ Г р о ц и й Г. О праве войны и мира. М., 1957. С. 45—46.

¹⁶ М е р и н г Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956. С. 98.